

— Господин Шэнь каждую ночь приходит на кухню, чтобы тайком выпить. Разве это никого не настораживает?

— Нет, потому что каждую ночь наложница Цзян отправляет его на кухню за ночным перекусом.

— Ночным перекусом? Для кого?

— Для наложницы Цзян! — Старуха Лу облизала губы. Раз уж начала говорить, решила ничего не утаивать, и продолжила:

— На самом деле наложница боится, что молодой господин будет шляться по ночам и не вернётся в дом. Поэтому она требует, чтобы он каждый вечер в час Свиньи приходил на кухню, брал её ночной перекус и лично доставлял в покои. Так что он каждый вечер приходит за едой и заодно прикладывается к бутылке, чтобы утолить жажду.

Дуань Минчэнь задумался и спросил:

— Значит, вчера вечером в час Свиньи господин Шэнь тоже приходил на кухню за перекусом? Во сколько он пришёл, что делал и когда ушёл?

— Вчера молодой господин, как обычно, пришёл на кухню в начале часа Свиньи. Я подала ему готовый суп из серебряного уха и птичьего гнезда, а потом ушла домой. Не знаю, что он делал потом и когда ушёл с кухни.

— После твоего ухода кто ещё оставался на кухне?

— Только служанка Цю Лянь. Она отвечает за приготовление лекарства для господина.

— То есть после твоего ухода на кухне остались только господин Шэнь и Цю Лянь?

— Именно так, ваша милость. — Старуха Лу, закончив, попыталась выдавить на лице улыбку, но получилось нелепо. — Ваша милость, я рассказала всё, что знаю. Не могли бы вы меня развязать?

— Всё, что ты сказала, — правда? Ничего не утаила?

— Клянусь жизнью моего новорождённого внука, ни слова лжи! Сжальтесь, у меня и в мыслях не было вредить господину! — Старуха Лу кланялась, умоляя о пощаде, и выглядела весьма жалко.

Дуань Минчэнь, видя, что больше ничего не выведает, приказал развязать её и увести.

После допроса старухи Лу настала очередь следующей подозреваемой — служанки Цю Лянь, отвечавшей за приготовление лекарства.

Цю Лянь быстро привели. Ей было около восемнадцати лет, она была красива, с пышными формами, а родинка у глаза придавала её облику кокетливую томность.

Такие привлекательные служанки обычно становились наложницами, но почему-то в доме Шэнь её определили на кухню.

К удивлению, её показания расходились со словами старухи Лу.

— Ваша милость, я не знала, что в шкафу на кухне спрятано вино. — Цю Лянь поправила прядь волос у виска и мягко произнесла. — Старуха Лу держит всё под строгим контролем, а я всего лишь служанка, выполняющая чёрную работу.

Дуань Минчэнь строго сказал:

— Ты отвечаешь за приготовление лекарства для господина Шэнь, но в лекарство попало вино, что привело к его смерти. Думаю, ты понимаешь серьёзность ситуации.

Цю Лянь, казалось, испугалась, её лицо побледнело, и она поклонилась, коснувшись лбом пола.

— Ваша милость, у меня и в мыслях не было вредить господину! Прошу, расследуйте это дело справедливо!

— Истина будет установлена, но ты должна говорить правду и ничего не утаивать! Скажи, кто приходил на кухню вчера вечером, когда ты готовила лекарство? Что они делали?

Цю Лянь задумалась и медленно начала вспоминать:

— Вчера вечером все служанки, умеющие шить, ушли в мастерскую помогать. Но мне нужно было готовить лекарство, а старуха Лу плохо видит, так что мы остались вдвоём. Она приказала мне вымыть всю посуду, но я сделала это слишком медленно, и она отругала меня.

— Закончила я уже ближе к концу часа Собаки. Тогда госпожа прислала кого-то с приказом приготовить лекарство. Я вскипятила воду и начала варить. Госпожа каждый вечер в конце часа Собаки отправляет кого-то, чтобы я приготовила лекарство, и никто другой не может этого делать. Врач сказал, что лекарство очень ценно, и варить его нужно ровно один час — ни больше, ни меньше. Затем нужно подавать горячим.

Дуань Минчэнь прервал её:

— Как ты точно рассчитываешь время — ровно один час?

Цю Лянь указала на маленькие песочные часы на кухонном столе:

— Я измеряю время с помощью них.

Дуань Минчэнь внимательно осмотрел их. Часы были маленькими, но очень изящными, с делениями, разделяющими один час на восемь частей, каждая из которых была помечена.

Цю Лянь продолжила:

— В начале часа Свиньи молодой господин пришёл на кухню, чтобы взять ночной перекус для наложницы Цзян. Старуха Лу передала ему еду и ушла...

— После того как старуха Лу ушла, на кухне остались только ты и господин Шэнь. Что он делал?

Цю Лянь, казалось, немного замялась, её глаза забегали.

— Господин... господин ничего не сказал и ничего не сделал. Просто взял еду и отнёс наложнице Цзян.

— Правда? Он не брал вино из шкафа? — усомнился Дуань Минчэнь.

— Нет, он взял еду и сразу ушёл. — Цю Лянь, видя, что Дуань Минчэнь не верит, поспешно добавила. — Ах да, я вспомнила кое-что!

— Говори!

— Примерно в четверть часа Свиньи я услышала, как на улице мяукает кошка. Во дворе раздался странный звук. Я вспомнила, что там сушится солёная рыба, и, боясь, что кошка её утащит, выбежала прогнать её.

— Значит, ты на время оставила лекарство?

— Да, но всего на мгновение. Я вышла во двор, поискала кошку, но не нашла. Тогда я забрала рыбу обратно на кухню и вернулась к плите.

— Ты заметила, что кто-то трогал горшок с лекарством или что-то было не так с шкафом, где хранилось вино?

Цю Лянь покачала головой:

— Нет, когда я вернулась с рыбой, горшок с лекарством всё ещё стоял на плите. Шкаф находится в другом конце кухни, в темноте я ничего подозрительного не заметила.

Цю Лянь внезапно вздрогнула:

— В-ваша милость... может быть... кто-то воспользовался тем, что я ушла, и подмешал что-то в лекарство?

— Ты спрашиваешь меня, а я хочу спросить тебя! Цю Лянь, всё, что ты сказала, — правда?

— Каждое слово — правда!

— Ты уверена? — Дуань Минчэнь приблизился к ней, его пронзительный взгляд давил на неё.

— Ваша милость, я рассказала всё, что знаю. — Цю Лянь, хотя и была слабой девушкой, держалась прямо, не выказывая страха.

Дуань Минчэнь без эмоций махнул рукой, приказав увести Цю Лянь.

— Эта девушка не проста! — Гу Хуайцин, войдя на кухню, громко заявил.

Дуань Минчэнь уже заметил, что Гу Хуайцин подслушивал за дверью, но не стал его разоблачать. Он слегка приподнял бровь:

— Почему ты так думаешь?

— Она сказала, что не знала, будто Шэнь Юйчжу прятал вино на кухне, но старуха Лу утверждает, что он каждый вечер приходил за ночным перекусом и заодно выпивал. Она каждый вечер готовила лекарство на кухне, как могла не знать, что он прятал там бутылку? Она явно лгала!

Дуань Минчэнь усмехнулся.

— Чему ты смеёшься? Эта девушка явно не сказала правды, почему ты так легко её отпустил?

Гу Хуайцину эта усмешка показалась насмешкой. Он с трудом сдерживался, чтобы не ворваться и не начать допрашивать её сам.

Вспомнив кокетливую и соблазнительную внешность служанки, он не удержался от сарказма:

— А, понял... Не ожидал, что господин Дуань такой ценитель красоты!

— Не говори глупостей! — Дуань Минчэнь раздражённо парировал. — Эта служанка не похожа на старуху Лу. Она кажется слабой, но внутри очень сильна. Даже угрозы и запугивания не заставят её сказать правду. Я не могу пытать её, пока вина не доказана.

Гу Хуайцин был недоволен, его глаза горели гневом:

— И ты просто так её отпустил?

— Хуайцин...

Дуань Минчэнь впервые назвал его так, и Гу Хуайцин замер, позволив ему положить руку на своё плечо, на мгновение забыв о словах.

Со стороны их поза казалась весьма интимной, словно Гу Хуайцин был обнят Дуань Минчэнем.

Дуань Минчэнь слегка наклонился. Гу Хуайцин, только что прошедший через сливовую рощу, казалось, принёс с собой лёгкий аромат, а его длинные густые ресницы, покрытые крошечными капельками росы, дрожали, переливаясь и привлекая взгляд.

<http://bllate.org/book/16283/1466674>